

ХУГО ХАРТУНГ

НЕБО ПОД НОГАМИ

РОМАН

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2024

УДК 82-311.6
ББК 63.3(4Гем)62
X20

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с немецкого — Алексей Zubov.

Хартунг, Х.

X20 Небо под ногами. — М.: Тотенбург, 2024. — 444 с.

Книга немецкого писателя Хуго Хартунга (1902–1972 гг.) «Небо под ногами» была написана в 1951 году. Это документальный роман — автор, довольно известный к тому времени журналист, принимал участие в боях за Бреслау в феврале — мае 1945 г. в рядах фольксштурма. Его художественное, но достоверное описание событий 1945 года с позиции типичного немецкого интеллигента является одним из важных свидетельств восприятия этих эпохальных исторических событий с «той стороны».

Роман раскрывает эпическую картину апокалиптического крушения силезского немецкого универсума. На русском языке такой взгляд в жанре художественной литературы совершенно не представлен. Автору в годы нацистского режима запрещали публиковаться, но серьёзным репрессиям он не подвергался, в чём его фигура довольно типична для широкого круга немецкого интеллектуального класса, который не шёл на открытое противостояние диктатуре, при этом сохраняя по отношению к ней приватно некую «фигу в кармане». Из иностранных языков роман переводился только на польский в 2008 году.

**УДК 82-311.6
ББК 63.3(4Гем)62**

© Алексей Zubov,
перевод с немецкого, 2024

© Издательство «Тотенбург», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая
У ГОСПОДА БОГА
НАСТАЛИ ТЯЖЁЛЫЕ ВРЕМЕНА

ЖЕНЩИНА НА ВЕЛОСИПЕДЕ	9
СОЛДАТ С ЁЛКОЙ.....	13
ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА.....	18
ТЁМНАЯ ЖИЗНЬ, ТЁМНАЯ СМЕРТЬ	30
ЖИЗНЬ СТОИТ ТОГО, ЧТОБЫ ЖИТЬ	40
НА ВОКЗАЛЕ	49
ТРИ ВОЛХВА РОЖДЕСТВА	61
«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО».....	75
У ГОСПОДА БОГА	
НАСТАЛИ ТЯЖЁЛЫЕ ВРЕМЕНА	84
ПРОЛЕТЕВШИЕ ПОДШТАННИКИ	95
ВОСКРЕСНАЯ ПРОГУЛКА ЗА ГОРОД	101
МУЗЫКА ИЗ ПАРКА ПРАТЕР	114
ИЛЛЮЗИИ	127
ЖЁЛТЫЙ ДОМ НА УГЛУ	141
КОШАЧИЙ ЛОТОК.....	152
КРЫСЫ.....	162
ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ В ПОДВАЛЕ.....	172
ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ, РАССКАЗАННОЙ В ПОДВАЛЕ	179
ФУРГОНЫ	186
ВОЗНЕСЕНИЕ ПОД ЗЕМЛЮ.....	195

Книга вторая
БАШНИ ГОРЯТ КАК СОЛОМА

СТРАНСТВУЮЩИЙ ДОКТОР	199
ДЕТСКАЯ ВЕРА	207
ТАНЕЦ С АНГЕЛОМ	214
ВОЙНА ЛЯГУШЕК С МЫШАМИ	228
ТРИ «ДЕВУШКИ»	239
СЕРЕБРЯНЫЕ ПТИЦЫ	249
КИНОТЕАТР ЖЕЛАНИЙ	259
БРИТЬЁ БЕЗ ОКАНТОВКИ	268
СЕРДЦЕ АДА	277
ТАНЦЫ С ОБНИМАШКАМИ	286
4V + VM	298
ПАСХА (I). БОГ ОСТАЛСЯ В БРЕСЛАУ	312
ПАСХА (II). ДОМ НОМЕР СЕМЬ	325
ПАСХА (III). ГОРЯЩЕЕ СЕНО	337
ПАСХА (IV). ГОРЯЩИЕ БАШНИ	347
ПОЛЕ ГЕРОЕВ	355
«НАША ПОБЕДА»	367
ВТОРОЕ МАЯ	379
БОЛЬШОЙ ПРОРЫВ	393
ТИШИНА	410
ГОСПОДЬ НАМ В ПОМОЩЬ	424
ПРОДОЛЖАТЬ!	432
ПОСЛЕСЛОВИЕ	439
ПРИЛОЖЕНИЕ	440

Посвящается ефрейтору Сойке — и всем, таким, как он!

Солнце золотило пыль, поднятую рухнувшими стенами Трои, и могучее дыхание моря вторило песне муз. И в этой песне светлы были лики героев.

В безрадостные ночи умирал город Бреслау. Я видел, как он умирает. Мы все умерли вместе с ним, бесчисленные люди, животные, дома, башни, колокола, деревья. Умерла надежда, вера и любовь. Но любовь возродилась. Искаженная мукой, зачастую едва узнаваемая, она восстала из раскалённого пепла апокалипсиса. Вернулась и вера, новая вера. С ними пришла надежда. Они дали нам силы, чтобы пережить эти годы.

А музы молчали, и молчат по сей день. Они не дарят нам яркие поэтические картины, где алая кровь романтично струится по серебряным доспехам героя.

Грязной была кровь, впитавшаяся между камнями мостовой. Не только кровь мужей и героев. Следует помнить об отваге всех тех, кто перенёс невообразимое, тех, кто, может быть, сумеет когда-нибудь рассказать о том, что случилось, о трудно выразимом словами.

Ещё нет единой картины, ещё нет связной песни... Слишком близко ещё вздымающееся нагромождение серых и синих мундиров, полосатых госпитальных пижам, формы медсестёр, женщин в мужских брюках, детей на носилках, гула голосов в окопах и подвалах. Множество голосов обращаются ко мне разными говорами родного языка, звучат обрывки их речей. Помню каменщика из Бреслау-Гюнтербрюке, слесаря из Кёльна, табачника из Вены, хозяина гостиницы из Рейнланда, учителя из Центральной Германии, горняка из Билица, литовского повара, латышского музыканта из Риги.

---

¹ «Одиссея», песнь первая, перевод В. А. Жуковского. — *Здесь и далее по тексту прим. пер.*

От их имени говорю я и знаю, что остался в живых для того, чтобы они через меня говорили.

Я видел, как плачет солдат, отвечавший у нас в полку за раздачу почты. Каждый день в подвале он раздавал письма из большой корзины — сперва она была полна писем. Потом в ней оказывалось только 10–20 писем за неделю. Он сам ничего не получал. Увидев, что я на него смотрю, он вздрогнул. Это был ничем не примечательный человек, какого можно встретить в трамвае. Но теперь больше не было простых людей. На фоне пламени гигантского пожара тени добра и зла стали гигантскими, и тень каждого человека стала безошибочно узнаваема. Я должен говорить, чтобы жёны и дети тех мужчин перед корзиной с почтой знали, насколько их любили...

Я должен рассказать городу Бреслау, как сильно мы его любили.

Сказать самой жизни, как мы её любили.

Во имя самой жизни написана эта книга о тысячеконной смерти. Может быть, другие видели всё иначе — я видел именно это, и видел именно так...

КНИГА ПЕРВАЯ

У ГОСПОДА БОГА
НАСТАЛИ ТЯЖЁЛЫЕ ВРЕМЕНА

ЖЕНЩИНА НА ВЕЛОСИПЕДЕ

Она была уже немолода, и ездить на велосипеде ей было порой тяжело. А раньше, когда это было намного легче, у неё ещё была машина. Да и пациентов было тогда не так много, как теперь, и болезни у них были попроще. Сейчас часто было сложно понять, чем человек болен. Но земля пока не тряслась, и дома стояли на месте.

Большие дома находились в южной части города. Хотя на небе не было луны, а все окна стояли затемнёнными, можно было разглядеть на фоне усеянного зимнего звёздами неба громоздкие, солидные силуэты домов, чётко очерченные линии крыш. Всё это были прочные добротные постройки, выстроенные из хорошего камня, для вечности. Тогда, в 1912-м, жизнь ещё покоилась на незыблемых устоях, и люди верили в то, что надо строить на века.

Бреслау в те времена считался прекрасным местом для жизни. Жилось здесь гораздо привольнее, чем в западных областях империи. Плодородный чернозём полей простирался прямо до ворот постоянно растущего, наступающего на крестьянские надельные города. Гром пушек Первой мировой войны не донёсся до этого края, и только когда отделилась Верхняя Силезия, жители нижнесилезских земель наконец ощутили подземные толчки этой эпохи сдвигов тектонических плит.

На западе и юге страны об этих событиях знали немного, невелика была и слава о красотах города на Оudere. И сама женщина на велосипеде не слишком об этом всём задумывалась, пока много лет назад не оказалась

в этих краях. Теперь она любила Бреслау, особенно его южную часть. Ей нравились аллеи в светлом сиянии весеннего света, с глубокой тенью их деревьев летом и в золотом одеянии осени.

Сейчас декабрь. Колёса велосипеда скользят. На лужах лёд.

Улица огибает водонапорную башню, которая выглядит как неоготическая пивная кружка. Наверху башни расположен пост воздушного наблюдения. Вчера в полдень ненадолго подняли тревогу, и ведущие наблюдение часовые рассмотрели в свои бинокли серебристые блестящие точки в небе на юге. Но птицы смерти повернули в сторону, не долетев несколько километров до города. Они всегда поворачивали. Город находится под защитой святой Хедвиг Силезской, говорили католики².

Протестанты доверяли в этом вопросе католикам, как и все набожные или безбожные горожане. Должна же была быть некая сила, которая, как было всем очевидно, выбрала из всех городов Империи именно этот город и продолжает его хранить под своей защитой. Однако врач, доктор медицины Элизабет Дорнхофф, шестидесяти пяти лет от роду, родившаяся в Ганновере и живущая после окончания образования в Бреслау, предпочитала не полагаться на помощь «неких сил». Но в последнее время её душевное самочувствие порой оставляло желать много лучшего.

Синеватый свет на лестничной площадке. Доктор Дорнхофф звонит в дверь квартиры на втором этаже. Она знает эту дверь, и ей не приходится искать в тусклом свете табличку с фамилией жильцов. Она помнит женщину, которая открывает ей дверь, вешалку в прихожей, длинную комнату за ней, через которую нужно пройти, чтобы попасть в детскую. Только предрождественского венка с вплетёнными в него легкими серебряными нитями украшений уже нет на месте.

---

² Ядвига Силезская, нем. Hedwig von Andechs (1174–1243) — католическая святая, великая княгиня Польши.

— Кто на этот раз? — спрашивает врач.

— Герти, — отвечает мать, — вечером у неё было 38,4.

Но у Герти сейчас дела уже неплохо. Горло только немного красное. Нужен постельный режим и полоскания. К праздникам всё пройдёт. Когда врач уже хочет проститься, показывается маленький Петер.

— Ты рад, что Рождество наступает?

Мальчик кивает, весь лучась.

— А как дела у вашего мужа? — спрашивает врач.

— Спасибо, всё в порядке. Нам так повезло, что он смог остаться служить в Бреслау.

Доктор кивает и уходит. Она слышит эти слова каждый день, часто по нескольку раз за день.

На углу она снова слезает с велосипеда. Нужно передать рецепт молочной торговке, которая живёт в полуподвале. Когда она наклоняется, чтобы постучать в окошко у земли, до неё доносятся слова из громкоговорителя, работающего внутри: «Сильные авианалёты на Ганновер и Брауншвейг...» Но голос резко оборвался, и послышалась музыка с вкраплениями радиопомех.

На липовых аллеях всё ещё лежал выпавший вчера снег, много было снега и в тихих садах больших вилл, которые стояли в южном предместье наособицу, подобно богатым горожанам, держащимся поодаль толпы.

— Здравствуйте, коллега!

Элизабет, хотя она и шла по краю дорожки, чуть было не задела в полутьме шедшего навстречу широкоплечего мужчину. Это был главный врач большого госпиталя, расположенного в этой части города, одетый в мундир полковника медицинской службы.

— Вы с таким количеством работы скоро совсем надорвётесь! — сказал он, остановившись. — Приходите на следующей неделе праздновать Рождество к нам в госпиталь. Вам не помешает немного отвлечься.

Госпожа Дорнхофф благодарит его и отвечает, что пока не может сказать, будет ли она в тот вечер свободна.

— Свободными мы не бываем никогда, но иногда можно освободиться, — слегка прокуренным голосом говорит полковник, — вам ли, врачу, этого не знать?

Она отвечает в неопределённом духе, ничего не обещая, — что-то о тихом зимнем вечере.

— Ну, здесь и дальше будет тихо, припомните моё слово! — говорит военврач с серебряными петлицами на погонах. — Нам везёт как утопленникам! В военном смысле мы уже мало на что способны, но и русские не в лучшей форме! Война на Востоке заканчивается взаимным истощением. Вот мой диагноз! Я никогда ещё не ошибался со своим оптимизмом...

Когда немолодая женщина снова забирается на велосипед, её знобит от холода. Ничего, быстрая езда должна согреть.

Над лысыми макушками деревьев садов и парков светятся зеленоватые огоньки. Но это только искры от трамвайных дуг, и небо остаётся мирным.

В ночь с 10 на 11 декабря 1944 года температура упала до минус пяти градусов. Приятный преджестивенский морозец.

Но для женщины на велосипеде пять градусов ниже нуля — это слишком холодно, особенно когда ветер дует в лицо...

СОЛДАТ С ЁЛКОЙ

А вот этот сорокадвухлетний солдат вовсе не против идти против ветра. Ему хорошо дышится холодным утренним воздухом. Хотя он несёт на плече тяжёлое рождественское дерево, запакованное достаточно неуклюже, Вернер Рённиг в целом доволен своим существованием. Бреслау благополучно пережил 5 лет войны, как и сам Рённиг. Высокий, худощавый мужчина, чей южный тип не очень хорошо сочетается с его сдержанными манерами, с тех пор как ему пришлось натянуть серо-голубой мундир люфтваффе, периодически чувствует себя довольно паршиво, хотя ему и приятно, что его теперь называют лётчиком. На самом деле, ни ему, ни его товарищам так и не удалось хотя бы рассмотреть самолёт поближе. Даже дети солдат из караульной роты аэродрома, как называлась часть, где служил Рённиг, знали о типах самолётов больше, чем их отцы. Служба, в сущности, требовала от них только поддержания в чистоте и порядке чистых и удобных казарменных помещений, расположенных в роще на окраине города. Нужно было мыть и драить коридоры и лестницы, начищать безупречные в смысле санитарного состояния туалеты, мыть окна и доводить до блеска зеркала в ваннных комнатах. В обязанности солдат входил также уход за подъездными путями к офицерским виллам, которые нужно было посыпать гравием. Единственным элементом, придававшим их жизни некоторый военный оттенок, были редкие занятия по караульной службе.

К этим занятиям солдаты, в основном люди уже далеко не юного возраста, относились с некой школярской дерзостью. Они с облегчением выкрикивали традиционный отзыв «на посту без происшествий», шагая по щебню плаца. Унтер-офицер, отвечавший за их подготовку, относился к ним вполне снисходительно. Солдаты подшучивали над тем, что их отправляли нести ночные караулы,

не научив стрелять. К счастью, до сих пор к доверенным им самолётам ни разу не пытался приблизиться никакой подозрительный субъект. Из-за нехватки горючего самолёты и днём преимущественно стояли на аэродроме вместо того, чтобы служить делу обучения юных пилотов.

Было прекрасное декабрьское утро, и на душе было радостно от мысли о предстоящем отпуске. Рённиг повоенному отбивал сапогами ритм, и даже что-то насвистывал себе под нос, переходя Университетский мост. Вид с моста всегда радовал Рённига: над рекой, чей поток белой пеной захлёстывал плотину, кружили чайки, далее были видны крыши фахверковых домов и четыре высокие башни. Сегодня утренняя дымка ясного зимнего дня связывала воедино красноту старого кирпича с нежным зелёным цветом меди острых и круглых шпилей башен и чёрно-коричневым фоном голых деревьев набережной. Только благородно, по-дворцовому очерченный фасад университета, нависающий над Одером, оставался в тени.

В туннеле, который идёт под зданием университета, послышалась мелодия «Приходите, детишки», которую Рённиг насвистывал в такт маршевой песни. И то сказать, музыкант не должен зарывать свой талант в землю и, на худой конец, может покрасоваться своим умением попадать в тон и такт перед прохожими.

— Вы совсем с ума сошли! Петь на улице!

Седовласый фельдфебель так громко выразил своё негодование, что эхо от его слов звучно разнеслось под сводами туннеля. Рённиг, в замешательстве опустивший на землю ёлку и вставший по стойке «смирно», смущённо извинился.

— Вот ведь Санта-Клаус нашёлся, — возмущённый служака не преминул напутствовать провинившегося перед уходом.

Солдат с жёлтыми лампасами пошёл дальше, стараясь больше не привлекать к себе внимания. В оживлённом центре города можно было легко натолкнуться на начальство. На бульваре с его многочисленными трамвайными остановками и пешеходными переходами, офи-

церы и унтер-офицеры попадались особенно часто. Тут и там в палатках и с лотков продавали рождественские украшения и мишуру.

Вернеру Рённигу оставалось преодолеть только ещё пару километров в южном направлении, через Швайднитцер-штрассе с её богатыми магазинами, украшенными к пятому военному Рождеству не хуже, чем в прежние годы. Дальше ему предстояло пройти под железнодорожным мостом и по широкой и длинной улице СА, которую большинство местных жителей называли по-старому, улицей кайзера Вильгельма.

Рённиг прошёл ещё два квартала, когда, на углу Эльзассер-штрассе, на него вытаращила глаза маленькая белокурая девчонка, которую вела за руку элегантно одетая молодая женщина, нёсшая в другой руке небольшой кожаный чемоданчик.

— О, это же ёлка! — крикнуло изумлённое дитя.

Матери, которую нещадно тянули за руку, тоже пришлось оглянуться на это невиданное диво.

— Господин Рённиг! — воскликнула она. — А я как раз к вам иду!

Узкобёдрая женщина в светлом костюме оказалась Региной Ширмер, подругой Лизы Рённиг, жены Вернера, с которой та познакомилась два года назад во время летнего отпуска в Глатцер Бергланде³. Регина овдовела уже в первый год войны и служила потом в администрации генерал-губернаторства⁴. Она много раз с тех пор навещала семейство Рённиг, проезжая, во время отпусков, через Бреслау по пути к своим родителям, жившим в Западной Германии.

— Вы опять проездом в Дюссельдорф? — спросил солдат после первых сердечных приветствий.

— Я теперь беженка.

---

³ Горная область на юге Нижней Силезии, известная своими курортными местами.

⁴ Так называлась во времена национал-социализма оккупированная немцами Польша.

— Беженка? — мужчина с ёлкой на плече был поражён, как если бы услышал это слово в первый раз. — Что же происходит в генерал-губернаторстве?

О да, там происходят удивительные вещи. Никакие нормальные способы коммуникации не работают. Свистят «случайные», как их называют в официальных документах, пули, которые, как это ни странно, попадают исключительно в правильных людей. По утрам на улицах городов лежат мёртвые патрульные полицейские.

— Я с ребёнком бежала, пока ещё не слишком поздно, — закончила Регина Ширмер свой краткий рассказ.

— Вы сейчас едете к родителям?

— Нет! Отец прислал мне телеграмму, пишет, что им, вероятно, скоро придётся переехать. Я сразу поняла, о чём он.

Для жителя Бреслау не так-то легко осознать, что теперь бегут не только с Востока, но и на западе страны многие вынуждены спасаться бегством. Как это можно себе представить в этом городе, где сирены безобидны, а все окна и витрины целы!

— Тогда останемся здесь! — сказал солдат так убедительно, как будто бы сделал большое открытие.

— Я тоже так думаю. Пока что сниму где-то в городе комнату и посмотрю, что будет дальше.

К счастью для малышки, которая устала и начала капризничать, их путь уже подходил к концу — им оставалось только свернуть налево в конце длинной улицы, и до квартиры Рённига будет каких-то двести метров. Его жёлтый угловой дом уже был хорошо виден.

— Нам Герти машет из окна! — зовёт солдат ребёнка, показывая на средний подъезд. На первом этаже он снимает с плеча дерево, чтобы помочь занести наверх вещи.

— Ваш основной багаж ещё на вокзале остался? — спросил он молодую женщину, принимая из её рук лёгкий кожаный чемоданчик.

— Мне пришлось его бросить, потому что поезда были переполнены.

— Ничего, его вам скоро пришлют.

На лестнице, которую тускло освещали голубым светом электрические лампы, Рённиг левой рукой подержал за локоть свою спутницу.

Приближающийся праздник, как никогда, манил обещанием уюта, тепла и дружеской беседы. В дверном проёме квартиры Рённигу улыбалась Герти, вокруг шеи которой был повязан трогательный шарфик.

ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА

«В городе наступил час оргáнов», — думал часовой, мерными шагами ходивший по аэродромному полю. Большие ворота были закрыты, а шлагбаум опущен — только один раз он пропустил через них лошадь с телегой. Собственно, Рённиг был назначен как раз «привратником», тогда как документы проверял обер-ефрейтор Ломанн. У Ломанна было три «галочки» на жёлтых петлицах, это был шахтёр из Вальденбурга с покалеченной левой рукой. Он тянул лямку на аэродроме уже четыре года.

Земля замёрзла, но снега не было. Если выйти на улицу и пройти немного вперёд за белый забор, под светом звёзд можно увидеть голые стволы вдоль шоссе, ведущего к городу, и такие же лишённые листья одинокие деревья в полях. Бреслау лишь угадывался в далёкой дымке под чистым и сияющим, как на картинке, ночным небом. Колокола города молчали. Однако часовой, достаточно комфортно облачённый в толстую шинель на меху и эрзац-валенки, слышал доносившиеся до него из города звуки оргáнов.

Были слышны голоса всех инструментов города: от гигантского органа в Зале Столетия⁵, с его мощными, но лишёнными мягкости нотами, до золотогласого нового оргáна мастера Зильберманна в церкви святой Елизаветы.

Но Святая тихая ночь с её чудом пастухов на полях нигде не звучит так правдоподобно, как под крышей маленькой кирхи Св. Христофора, в которой старый оргán восхваляет пастухов и поёт голосами ангелов со старинных золочёных досок — с этими звуками не могут сравниться большие оргáны готических церк-

---

⁵ Построенный в 1911–1913 гг. для увековечивания памяти битвы при Лейпциге 1813 г., важный памятник раннего модернизма. На момент создания был средоточием множества технических новаций и рекордов. Пережил войну без серьезных разрушений, хотя орган был повреждён. В настоящее время во Вроцлаве принимает значительные массовые мероприятия.

вей — ни кафедрального собора, ни Св. Магдалины, ни Св. Винсента, ни Св. Доротеи.

Теперь до уха Рённига доносились издали и звонкие удары колоколов.

— Это на Лобрюке звонят? — спросил Рённиг у дремлющего рядом Ломанна.

— Ерунда, это по радио, — проворчал разбуженный обер-ефрейтор.

По случаю праздника радиоприёмник стоял прямо на столе в комнате караула у ворот, ведущих на аэродром. Здесь солдаты проводили томительные восемнадцать часов свободного от службы времени за игрой в карты или сном на лежаках, на стульях и прямо на столе. Сегодня на столе не поспишь — место на нём занимают радиоприёмник и маленькая рождественская елка, в сущности, представляющая из себя ветку ели, украшенную мишурой и несколькими тонкими красными свечками, которые мрачно мерцают в табачном чаду.

— Выключи его! — просит солдат Россинский, когда звук колоколов наполняет помещение.

— Нет, пусть будет! — отвечает ефрейтор Рёш, автомеханик из Кёльн-Дойца, отстраняя руку Россинского от приемника.

Россинский был раньше капралом в польской армии, но якобы имевшаяся у него немецкая бабушка принесла ему статус «фольксдойче»⁶ самой последней категории. После того как в шкафчике Россинского нашли какие-то записки на польском языке, унтер-офицер Бинц называл его не иначе, как шпионом. Но остальные товарищи по роте любили слушать его завиральные рассказы. В тот предрождественский час Россинский, бывший машинист паровоза, потчевал благодарных слушателей историями о своих галантных приключениях в Париже.

---

⁶ Обозначение лиц немецкой национальности, проживающих за пределами Рейха, принятое во времена национал-социализма. В зависимости от чистоты крови и ряда других факторов «фольксдойче» делились на несколько категорий.

— Давай покороче, — проворчал 59-летний унтер-офицер Хелмрих из Айзенаха, кровельщик по гражданской специальности, который в 1940 году провёл в Париже три месяца в рядах вермахта и сейчас тщетно пытался сопоставить с обрывками своей памяти звучные географические названия, которыми бросался поляк.

— Ну как это можно сравнивать — Париж во время войны! — продолжает разглагольствовать Россинский, обращаясь к простодушному кровельщику, — я-то был там в мирное время. На войне повсюду сплошное дерьмо, даже в Париже!

— Да, в мирное время всё лучше, — примирительно ответил старый кровельщик, который тем временем своими железными пальцами разломал три-четыре сигареты и аккуратно высыпал их содержимое на газетку, чтобы набить табаком трубку.

На газетном листе чётко был виден заголовок «Рождество в Европейской Крепости», под которым буквами поменьше стояло что-то о большой семье разных народов, которая сплотилась, чтобы отпраздновать этот день... Дальше текст был оторван. Сциаллас сидел у окна спиной к помещению караула и медленно шевелил губами. Это был тихий, скромный человек с покатыми плечами и грустными глазами, член католического благотворительного ордена «Милосердные братья»⁷. Эдвин Менцель называл его «наш добросердечный брат». Менцель ненароком давал понять сослуживцам, что у себя дома в деревне он был важной персоной, командиром отделения штурмовиков. Но сейчас, заслушавшись рассказом Россинского, Менцель не обращал внимания на молящегося рядом сослуживца.

«Тревога!»

По команде унтер-офицера Хелмриха караульные выбежали на улицу и встали по стойке «смирно». Всполошенный командир караула Крумбаар торопливо дела-

---

⁷ Милосердные братья (нем. Die Barmherzige Brüder) — название многочисленных католических монашеских орденов, основанных в XIX веке по уставу Св. Августина, преимущественно занимающихся уходом за больными и престарелыми.

ет доклад. Не каждый день увидишь полковника в караульной роте!

Полковник зашёл в караулку и, осмотревшись, сказал: «Принесите сюда для ребят кувшин пуншу!» Как кажется, он не обратил внимания на недостатки, которые сами караульные отмечали вокруг себя с ужасом: шинели и каски неряшливо висели в углу, будто в гардеробе какого-нибудь бюргера, а у подоконника стояли две винтовки.

— В вашей армии лучше праздновали? В «Польской Республике» или как там её? — обращается полковник к Россинскому.

Россинский, вытянувшись в струнку, с улыбкой на широкой добродушной физиономии отвечает:

— В германском люфтваффе лучше!

— Ну лучше так лучше! — улыбаясь, говорит полковник, и все стоящие рядом солдаты тоже послушно улыбаются.

Полковник видит гонца, посланного за пуншем, который появляется из ворот с двумя флягами.

— Разольёте всем поровну. И чтобы не было никаких нареканий со стороны начальника караула!

— Слушаюсь, господин полковник! — ревёт в ответ Крумбаар. Служивцы называют его «командиром лапши», потому что он заведует поставками провианта. Тем временем Вернер Рённиг, который и был послан за пуншем в офицерский клуб, тащится мимо полковника в серой лётной шинели, надетой вместо уставной караульной. Полковник его помнит — Рённиг несколько раз исполнял музыку на праздниках для военных. Полковник Дамров любит музыку, особенно Рихарда Вагнера и «Летучую мышь». И, как это нередко бывает среди офицеров люфтваффе, Дамров готов закрыть глаза на уставные формальности.

— Знаете, Рённиг, — доверительно говорит ему полковник, — я ведь выбрал именно вас для похода за пуншем, чтобы вы остались в клубе и сыграли нам. Пойдёмте вместе. Там же можно помереть со скуки. А ещё ведь сверху пришёл приказ, что теперь офицеры по на-

ционал-социалистическому воспитанию будут отвечать за создание «атмосферы праздника». «Атмосфера праздника» — подумать только! Наш Цембровский получил инструкции, согласно которым он должен внезапно зажечь огни — огни, а не свечи! — и торжественно зачитать какие-то патриотические отрывки из «Святой ночи» и «Жертвы». А «Тихую ночь» мы должны теперь петь по новым текстам, которые нам заранее выдали. Оттуда убрали «священную ночь» и добавили вместо этого что-то о «немецкой матери». И это всё предлагается запивать остывшим кофе! Наша публика сидела как в воду опущенная, прямо как рождественские пастухи, на глазах которых Ангел Божий рухнул на землю из-за проблем с мотором...

Дамров заканчивает свою тираду со смешком. Рённиг, отягощённый двумя флягами, послушно смеётся вслед за ним. Вскорости они заворачивают прямо перед лётным полем на обрамлённую шеренгами деревьев дорогу, ведущую к офицерскому клубу и коттеджам начсостава. Красные огни наземного освещения аэродрома создают праздничное настроение; с крыши метеорологической станции светит прожектор на вращающейся установке.

— Рённиг, давайте от души — большое попури из всего хорошего! Обязательно Вагнера и Пуччини. Но сначала пусть будут нормальные рождественские песни — и пусть они идут со своими инструкциями куда дальше! Этим мелодиям будут подпевать, понимаете?

— Слушаюсь, господин полковник.

Дамров — кавалер рыцарского креста. Непонятно почему, но окаймленный серебром орден висит на его груди всегда несколько косо.

Как сказал однажды в кругу сослуживцев бдительный Цембровский: «Дамров и в другом смысле какой-то неправильный...»

Полковник, а за ним, на уставном расстоянии в три шага, Рённиг со своими флягами заходят в красивое здание офицерского клуба, и сразу же за стеклянной дверью Рённига перехватывает ординарец.

— Бродерзен, не надо, пропустите человека, он со мной, — говорит, повернувшись к двери, полковник. — Наполните эти фляги пуншем и отнесите на караульный пост. И скажите там, что я забрал с собой Рённига и его нужно сменить на посту на сегодня.

Бродерзен злится, что ему, ординарцу офицерского клуба, нужно тащить что-то этим чудакам на караульный пост. Но приказ есть приказ! Рённиг и вправду не застал в клубе особенно оживлённого веселья. На покрытых ослепительно белыми скатертями столах стояли четырехрукие подсвечники — особенно большой перед пустым стулом полковника. Вот они, германские огни!.. Молодой лейтенант пытается наиграть нечто на стоящем справа в углу рояле. «Музыкальная школа, класс фортепьяно, первый класс», — думает про себя осведомленный в вопросе Рённиг.

— Господа! — полковник обрывает журчание голосов. — Наш товарищ Рённиг из аэродромной команды пришёл, чтобы немного поднять нам настроение!

— Bravo! — обрадовался подполковник Эппинг, который, будучи командиром местной военной школы, пользовался определённым уважением коллег. Кроме того, у Эппинга единственным были дубовые листья к Рыцарскому кресту. Эппинг любил американские шлягеры.

Рённиг идёт к роялю, который стоит в тёмном углу. Лейтенант, который брэнчал на инструменте, встаёт и узнаёт его.

— Господин Рённиг! — изумлённо восклицает он.

Это Хайнц Ауст, который до начала войны брал у Рённига уроки игры на фортепьяно. Он только несколько дней назад получил офицерский чин и был назначен на этот аэродром.

— Мне так неловко, что вы слышали сейчас это неуклюжее музицирование! — смущённо говорит молодой офицер.

— Не говорите этого, господин... — Рённиг почти назвал старого знакомого «Аустом», но в последний мо-

мент всё же выговорил «лейтенант». — Может быть, сегодня мне суждено перед вами оконфузиться.

— Ну, что там у вас? — спрашивает со своего места полковник. — Что-то не так?

— Всё в порядке, господин полковник, я уже начинаю, — отвечает Рённиг.

У него замёрзли пальцы. Сторожу сложно мгновенно перейти к амплу пианиста. Он начинает с бодрой прелюдии, от которой переходит к торжественной мажорной мелодии «Дочери Сиона». Публика за столиками затихает. Треск горящих «германских огней» сливается с могучим напевом ликующего царственного Иерусалима... А в завершении зазвучала простая и радостная мелодия рождественского гимна. Подполковник Эппинг первым начал подпевать, интонируя в такт, как если бы он сидел на студенческой пирушке. Он пел не вполне правильно, но так как остальные офицеры тоже запели (молчал лишь полностью лишённый вокального дара полковник), получалось вполне терпимо. Капрал Гумпольд от усердия даже встал с руками по швам.

— Посмотри, — тихонько сказал капитан Гюдемманн майору Гроссу, — на словах «добрый король» Гумпольд отдаёт «немецкое приветствие»⁸.

После того как Рённиг отыграл первую часть своей программы, разговор за столиками заметно оживился.

— Вот видите, — сказал Дамров своему адъютанту фон Таддену-Овербеку, — как я и говорил, старые рождественские мелодии лучше всего поднимают настроение.

Обер-лейтенант фон Тадден, из старого силезского дворянского рода, молодой человек, худой и, несмотря на свою юность, уже несколько сутулый, наследник двух замков и крупнейшей частной библиотеки Силезии, согласился:

— Их тихое волшебство таит в себе мощную силу.

---

⁸ Имеется в виду нацистское приветствие вскинутой рукой, которое после неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. было введено в вермахте вместо бытовавшего до этого традиционного военного приветствия с прикладыванием ладони к виску (аналогичного принятому в России/ СССР).

Полковник Дамров, который вовсе не имел в виду глубоких мистических материй, на которые указал своим ответом молодой аристократ, украдкой взглянул на своего собеседника. А чего ещё ожидать от Таддена? Они все истые католики или даже гернгуты⁹. Как ему однажды сказал знаток местных нравов, «в Силезии даже безбожники набожные».

— Рённиг, отлично, браво! — полковник был явно доволен. — А теперь ещё большое рождественское попури!

«Тихую ночь, святую ночь» пели все хором. Даже офицер национал-социалистического воспитания убрал по-дальше свои великогерманские инструкции и пел от души старые простые слова своего детства. Фон Тадден удовлетворённо кивнул, как бы говоря: вот это я и имел в виду...

Ещё пели третий куплет, и уже начинали немного путать слова, как ранее это было с «Германией превыше всего», где тоже после третьей строфы пошёл разброд, и тут в помещение ворвался ординарец Бродерзен.

— А, Бродерзен, как там караульные? Уже лыка не вяжут? — приветствовал его весело Дамров.

— Тревога, господин полковник!

Полковник даёт знак, и пение тут же затихает. Во внезапно воцарившейся тишине звучат ещё последние аккорды рояля.

— Что за тревога? — спрашивает ординарца Дамров.

— Воздушная тревога. В городе уже воют сирены. Общая тревога.

— Они там совсем с ума посходили? Всё только что было чисто в небе!

В этот момент прерывисто завывла и аэродромная сирена...

— Господа, ничего не поделаешь! Бреслау не суждено спокойно встретить Рождество! Надо побыстрее спрятать наши «летающие этажерки»... Рённиг, мы обязательно продолжим концерт!

---

⁹ Гернгуты — христианское течение, возникшее в Богемии и сопредельных немецких землях в XV веке, позднее примкнули к лютеранам.

Маленький Ауст подходит к Рённигу, благодарит его и жмёт ему руку. Увидев, что бывший учитель с отеческой тревогой смотрит на его обветренную простуженную физиономию, Ауст успокаивающе говорит, что это просто его хроническая простуда, и, покашливая, убегает за остальными офицерами.

Тем временем Дамров уже объезжает аэродром на своём автомобиле, чтобы проследить, всё ли приведено в готовность по тревоге. Подчинённым известно, что в такие моменты от Старика нельзя ждать спуска.

Эппинг сел в машину к полковнику.

— Довезите меня до дальнего конца поля, я уведу «юнкерс» на всякий случай, — говорит он командиру.

— А зачем? — отвечает Дамров. — Пусть этот старый тарантас стоит, где стоял. Да он и не заправлен.

— Днём я залил в него топливо. Что-то я соскучился по небу. После наших посиделок меня мутит.

— Эппинг, вам не стоило так увлекаться божоле!

— Полковник, если у меня и похмелье, то больше не физического, а морального свойства.

— Ну что ж, тогда ни пуха, ни пера!

Машина останавливается у «юнкерса», и офицер с «дубовыми листьями» выходит. С полковником остаётся только фон Тадден.

Рённиг не знает, как быть. У него приказ от полковника продолжить после окончания тревоги концерт. Но пока ему стоит, наверное, или вернуться в караульное помещение, или пойти на поле вместе с остальными свободными от караула солдатами. Он помнит, что рядом с офицерским клубом есть дыра в заборе, через которую можно быстро и незаметно попасть на взлётное поле. Рённиг решил воспользоваться этим лазом и пробрался, минуя забор и кусты, поближе к взлётной полосе.

Сейчас полдесятого вечера. Проектор на метеостанции потушен, но огни взлётной полосы горят красной километровой рамкой. Звенья самолётов уже потянулись с аэродрома прочь в южном направлении — не навстречу

предполагаемому врагу, а наоборот: учебные машины должны, по инструкции, быть спрятаны в хорошо укрытых убежищах на юге и западе от города. Сегодня всё проходит в крайней спешке — тревога прозвучала безо всякого предупреждения.

Десять минут ещё гудел воздух, потом последнее звено улетело, стало тихо, и даже красные огни ВПП погасли. Потом опять раздаётся гул, и низко над Рённигом, который невольно пригибается, пролетает с рёвом большой «юнкерс», медленно набирающий высоту. Это Эппинг в борьбе с моральным похмельем совершает свой моцион.

Вернер Рённиг, по гражданской профессии учитель музыки и уже три с половиной месяца военнотрудовой немецких военно-воздушных сил, в одиночестве стоял под величавыми огнями созвездий — Господней рождественской иллюминации. Звёзды ярко сияли. Над сухой травой на поле не чувствовалось дыхания ветерка. На востоке ощущалось невидимое присутствие тёмной массы города, солдату казалось, что он слышит его тревожное, тяжёлое дыхание. Одиноким человеком, затерянным посреди широкого поля, ещё никогда не встречал Рождество в такой торжественной тишине. «В той стране были пастухи, которые содержали ночную стражу у стада своего...» Но ангелы не сошли с небес, чтобы возвестить благою весть. Кто-то с большими чёрными крыльями преграждал посланникам божьим доступ на грешную землю.

Небольшой шум, потревоживший полную тишину вокруг, заставил солдата вздрогнуть. В кустах на краю поля было какое-то движение. Там вили гнёзда вороны, и сейчас одна из птиц вылетела и с карканьем кружила над рощицей. Неясно было, что в такой час потревожило птицу. Может быть, она всполошилась от вида и звука пронесшегося рядом гигантского черного железного «орла»...

Томительное ожидание. Аэродромная сирена испускает длинный гудок, и ей вторит целый хор сирен далёкого города. Эти звуки разносятся над спящей землёй как некий странный рождественский хорал. Но небеса не раздражают-

ся смертоносным огнём, а Чёрный Ангел улетает в своё мрачное царство. Ворона возвращается в своё гнездо, а с юга уже слышен шум спешащих назад учебных эскадр.

И вдруг, как чудо, сияя, Вифлеемская звезда со своим огненным хвостом упала на землю! Вслед за чудесным знаком послышался непонятный далёкий гул.

Рённига, засмотревшегося на диковинное знамение, вернул в реальность громкий вопрос: «А ты что здесь делаешь?» Это он попался на глаза ефрейтору Лабишу, который вместе с унтер-офицером Хелмрихом делал обход по маршруту 6 — западный край лётного поля. Лабиша сослуживцы считают мерзким типом. Его шкафчик всегда набит всякими вкусностями, которые он неизменно поглощает, ни с кем не делясь, пожирая их тут же, за специально открытой, в виде загородки, дверцей.

— Я жду возвращения лётчиков, мне приказали продолжить концерт в клубе, — честно отвечает Рённиг, хотя он и не подотчётен ни в чём Лабишу.

— Ну и иди в клуб, здесь тебе нечего смотреть, — недружелюбно отвечает тот.

— Да ладно, что пристал к человеку, — добродушный Хелмрих заступился за Рённига и легонько подтолкнул Лабиша, мол, пойдём дальше.

Когда патрульные уже отошли, до Рённига донёсся обрывок фразы Лабиша, сказанной презрительно-злым тоном: «...просто хочет подлизаться к офицерам...»

Первая эскадрилья уже приземлилась, вторая на подходе с севера. Где-то высоко между звёзд слышно ещё тихое жужжание — это, должно быть, Эппинг закладывает на своём «юнкерсе» какие-нибудь недозволенные выражи. Он называет такие штуки «слетать посмотреть на Господа Бога».

Рённиг через дыру в заборе возвращается назад к офицерскому клубу. На главной улице аэродрома слышны шуточки и смех техников, спешащих встречать машины.

Когда Рённиг подходит ко входу в клуб, он встречает полковника, выходящего из машины. Тот замечает музыканта:

— Похоже, сегодня музыки больше не предвидится. Два самолёта столкнулись при возвращении на базу.

Ошарашенный, Рённиг собирается уходить, и Дамров бросает ему вслед:

— Впрочем, останьтесь. Может быть, сыграете на траурной церемонии.